

DOI: 10.17516/1997-1370-0887
УДК 7.03; 75.04

Ancient Works of Art of Central Siberia

**Ksenia A. Degtyarenko, Julia N. Menzhurenko,
Dariya S. Pchelkina and Anna A. Shpak***

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.12.2021, received in revised form 30.01.2022, accepted 03.02.2022

Abstract. The research interest in the study of ancient cultures of Central Siberia does not lose its relevance. In this regard, the territory of the Northern Angara region deserves special attention. The archaeological material obtained during the Boguchan expedition makes it possible to further study ancient cultures, including through art historical research methods.

In the study and interpretation of the archaeological materials of the Boguchan expedition, their artistic representational capabilities remain poorly studied. The identification of the art-historical aspects of the study of archaeological monuments allows us to restore the ceremonial and everyday aspects of the life of cultures of different epochs inhabiting the territory of the Boguchanskaya hydroelectric power station flooding and preserve the basic cultural and historical knowledge about them. The interpretation of the data obtained during the analysis of the art history analysis allows us to talk about the presence of signs and symbols of a literary text that are read to identify its meaning on a wide socio-cultural scale.

The results of this study can be used in the further study of the cultures of the region in question, as well as in the study of their cultural ties with neighboring territories.

Keywords: Northern Angara region, ancient cultures of Central Siberia, archaeological monument, cultural monument.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number 20–49–240001.

Research area: cultural studies, art history.

Citation: Degtyarenko, K. A., Menzhurenko, J. N., Pchelkina, D. S., Shpak A. A. (2022). Ancient works of art of Central Siberia. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 15(6), 799–810. DOI: 10.17516/1997-1370-0887

Древние художественные произведения Центральной Сибири

К.А. Дегтяренко, Ю.Н. Менжуренко,
Д.С. Пчелкина, А.А. Шпак

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Не теряет своей актуальности интерес к древним культурам Центральной Сибири. В этом отношении особое внимание заслуживает территория Северного Приангарья. Полученный в ходе Богучанской экспедиции археологический материал дает возможность дальнейшего изучения древних культур, в том числе посредством искусствоведческих методов исследования.

При анализе и интерпретации материалов Богучанской экспедиции мало внимания уделено их художественным репрезентативным возможностям. Искусствоведческие аспекты исследования археологических памятников позволяют восстановить обрядовую и бытовую стороны культур разных эпох на территории затопления Богучанской ГЭС и сохранить основные сведения о них. В частности, речь идет о наличии знаков и символов художественного текста, считываемых для выявления его широкого социокультурного масштаба.

Результаты данного исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении культур рассматриваемого региона, а также при исследовании их взаимосвязей с соседними территориями.

Ключевые слова: Северное Приангарье, древние культуры Центральной Сибири, археологический памятник, памятник культуры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20–49–240001.

Научные специальности: 24.00.00 – культурология, 17.00.00 – искусствоведение.

Археологический памятник как объект искусствоведческого анализа

Во второй половине XX века в западной археологии происходят значительные изменения в определении понятия «археологическая культура», вследствие чего многие из существовавших археологических культур были переосмыслены: в русле археологической традиции – когда четко обозначенная традиция (технология) в определенный исторический период охватывает несколько культур региона (например, традиция колоколовидных кубков, традиция шахтовых могил) – либо в русле локальных археологических периодов – когда одна или несколько смежных культур объединены

культурно-историческим этапом, а существование таких культур продолжается и по окончании рассматриваемого периода.

Археологическую культуру можно рассматривать и как совокупность материальных памятников определенной эпохи, территории, отражающую своеобразие артефактов. В свою очередь понятие «памятник культуры» также имеет большое количество научных интерпретаций. В 1972 г. был официально признан и зафиксирован в Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия»¹

¹ Рекомендация о сохранении и современной роли исторических ансамблей. Принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО. Найроби. 26 ноября 1976 г.

термин «культурное наследие». С этого времени понятие «памятник культуры» стало неотъемлемой частью тезауруса культурного наследия как форма единичного объекта, несущего определенную общественную и научную ценность. В отечественной науке переход к новым парадигмам в интерпретации понятия «памятник культуры» в полной мере произошел в 1988 г. – с ратификацией международной Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия».

Множество разнообразных определений памятника истории и культуры до этого времени содержало перечисление внешних признаков памятников, их основных типов и видов, функций. Памятники культуры определялись как народное достояние, часть из них – как мировое культурное наследие, подлежащее охране государством.

Большое эвристическое значение имеет теория культуры Д. В. Пивоварова, на основании которой разрабатываются концептуальные и методологические основы для анализа различных памятников культуры (Amosova, et al., 2019, Avdeeva, et al., 2020, Avdeeva & Degtyarenko, 2021, Kistova, 2020, Koptseva, et al., 2018, Leshchinskaya, 2021, Shimanskaya, 2020, Sitnikova & Li., 2020). Культура предстает как процесс идеалобразования, памятники культуры – как особые формы воплощения идеалов, эталонов и ценностей определенной эпохи в истории искусства или общечеловеческой культуры в целом (Avdeeva, et al., 2020, Kistova, et al., 2016, Kistova, et al., 2019, Kolesnik, et al., 2018, Kostrykina, 2021).

Новые подходы к определению памятников связаны с выявлением общности их внешних свойств, функций или ценностных характеристик. Например, идею подлинности памятника развивали многие ученые. И. А. Кирьянов (Kir'yanov, 1979) выделил два типа – «памятник-подлинник» как результат исторического действия (его разрушение ведет к утрате прямых следов исторического события) и «памятник-символ», созданный в память об уже свершенном событии (он может быть улучшен, изменен, перенесен на другое место и т. д.).

Суть противопоставлений этих двух видов раскрыл И. Михайловский (Mikhailovskii, 1981), выразив ее более точно в терминах «непреднамеренные» и «преднамеренные» памятники. А. М. Кулемзин (Kulemzin, 2001), в продолжение этой темы, предложил дифференцировать по степени достоверности информации памятники-символы (носители заведомо ложной информации) и памятники-подлинники (носители правдивой информации).

Представители ценностного подхода вносили свой вклад в формирование понятия «памятник» начиная с 70-х годов XX в. Помимо историко-культурных аспектов давалось понятие материальной и утилитарной (Е. В. Михайловский, А. С. Щенков) ценностей; разрабатывались варианты иерархии ценностей и т. д.

А. Н. Дьячков (D'yachkov, 1990) предложил новую концепцию. В ее рамках памятник есть часть предметного мира культуры: «... памятник истории и культуры – одна из функций предметного мира культуры, выделяемая людьми для осуществления передачи общественно значимых культурных и технологических традиций из прошлого в будущее».

П. В. Боярский рассматривает термин с позиций «ноосферной» теории Вернадского (Boyarskii, 1990).

Е. Н. Селезнева работала над определением понятия в контексте историко-культурной среды, включая и среду памяти, которую она понимает не только как способ, но и как причину существования истории (Selezneva, 1990).

Феноменологический подход к определению понятия «памятник культуры» заключается в следующем: «Значение памятника заложено в самом предмете как феномене, который в какой-то момент является сознанию, то есть становится видимым. Далее происходит своего рода воспроизведение, актуализация его горизонтов значения как памятника средствами реактивации сознания» (Molodkina, 2007).

Можно отметить, что современные подходы под памятником культуры подразумевают объекты, наделенные историче-

ской, художественной и культурной ценностями в неразрывной связи друг с другом, с окружающей средой, а также с учетом их пространственно-временных связей.

На основании изученных концепций памятник культуры, посредством которого происходит передача культурных традиций из прошлого в будущее, может быть представлен как репрезентант (способ воспроизводства и передачи смысла, внутри и при помощи которого конструируется тот или иной образ мира) специфических характеристик одной или нескольких культур.

Археологический памятник также выступает компонентом и определенно-го исторического периода, и современной культуры. Его актуальность определяется рядом вариативных трактовок разными социальными субъектами, что выражается в конкретных культурных практиках.

Можно заключить, что археологический памятник в широком смысле представляет собой физический объект, который стал частью социокультурного пространства, связанной с конкретным историческим периодом и сохраняющейся до настоящего времени как реликт (в виде предметов материальной культуры; культурного слоя почвы; ландшафтной территориальной зоны). Такой памятник обладает научной ценностью в археологическом аспекте и культурным значением, конструирует культурно-историческую среду современного мира.

Среди множества культурных контекстов, в которые входит всякий культурно значимый археологический памятник, особое место занимает эстетический. Наиболее полное, чувственно насыщенное восприятие памятника определяется именно эстетической составляющей как средоточием множества культурных «звучаний», значений и смыслов.

С.Ю. Каменский рассматривал археологический памятник в аксиологическом контексте. Он отмечает факт «... неразделенности художественной и материально-бытовой сфер как при создании большинства вещей прошлого, так и при их современном прочтении (когда мы восхи-

щаемся рукоятями ножей, искусно выполненными каменными орудиями и т. д.), что выражает специфику восприятия артефактов древности» (Kamenskij, 2008).

Археологический памятник как эстетический объект содержит ряд аспектов. К примеру, эстетический потенциал археологического объекта как реликта прошлого. В первую очередь речь идет о характеристиках объекта как произведения архаичного художественного творчества, произведения искусства (живописи, архитектуры, скульптуры). В искусствоведении, таким образом, внимание обращено только на некоторые археологические объекты, а точнее, на некоторые характеристики таких объектов (проводится искусствоведческий анализ особенностей археологического объекта). Отечественные исследования в области эстетики археологии наблюдаются и в советский (Formozov, 1980), и в современный период (Andreev, 2013).

Л.С. Выготский в работе «Психология искусства» указывает, что знаки есть продукт развития общества, который закрепляет в себе культуру социума и транслирует их (Vigotskij, 2017). Художественная картина мира при анализе археологических находок формируется, в частности, характеристикой элементов обряда, через которые проявляются некоторые наиболее общие концепции культуры.

В настоящем исследовании дан искусствоведческий анализ археологического памятника, обнаруженного в ходе раскопок, проводимых коллективом ученых под руководством П.В. Мандрыки в зоне затопления Богучанской ГЭС, территорию которой относят к району Северного Приангарья. Эта местность долгое время оставалась слабо изученной.

Одним из первых советских ученых провел археологические работы в низовьях Ангары А.П. Окладников (Okladnikov, 1974), хотя объектом его научной деятельности была территория верхнего течения реки. Он отмечает общность быта, хозяйственной и промысловой деятельности представителей культур, проживающих по верхнему течению Ангары и на Лене,

ввиду схожести неолитических находок, что подтвердили дальнейшие раскопки в этом районе.

Р.С. Васильевский (Vasilevskii, 1988) в исследованиях 1917–1940-х гг. отмечает использование этнографических данных при интерпретации археологического материала как особую черту сибирской археологии.

С 1970 г. проходило изучение зон затопления Усть-Илимской и Богучанской ГЭС путем стационарных раскопок. При быстрых темпах работы материал не получал документального описания, накопление археологических фактов значительно опережало их интерпретацию.

Основными итогами работы Н. И. Дроздова и Д. И. Деметьева «Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре» 1974 г. стали учет местонахождений, предварительная хронологическая классификация материала, определение состояния сохранности и выяснение перспективности будущих стационарных исследований.

Р.С. Васильевский в статье «Археологические исследования на Средней Ангаре» 1978 г. отмечает ряд различий между материалами нижнего и верхнего течений Ангары, который мог быть следствием взаимосвязи ангарских племен с соседними (Vasilevskii, 1978).

Н. И. Дроздов в диссертации «Каменный век Северного Приангарья», основываясь на материале стоянки Усть-Кова, разделил неолит Северного Приангарья на три этапа. Основными признаками при делении этих этапов стали особенности орнамента и формы керамической посуды.

Историография изучения археологических находок неолита и бронзового века на территории Северного Приангарья приведена в публикации Д. Н. Лохова и С. П. Дударека (Lokhov, Dudarek, 2017).

Новый виток в исследованиях, связанных с изучением Северного Приангарья и введением в научный оборот новых археологических памятников, приходится на 2010-е гг., когда активно начинают вестись спасательные работы в зоне затопления Богучанского водохранилища.

Так, например, изучением и описанием археологических находок стоянки Кода-3 (погребального комплекса, изделий из камня, керамики, кости, металла), их датировкой и типологизацией занимались ученые Института археологии и этнографии СО РАН (Slavinskii, Anokin, Rybalko, Kazakova, Milyutin, 2012). С. А. Когай, И. М. Бердников анализируют находки на территории археологического объекта «Деревня Мартынова», в частности керамические изделия неолитического периода (Kogai, Berdnikov, 2013). А. Н. Чеха представила результаты технико-типологического анализа археологических памятников устья реки Кутарей эпохи неолита и палеометалла, на основе которого были выявлены ближайшие связи с памятниками соседних территорий (Checha, 2019).

Большое количество работ по изучению археологических памятников включает в себя исследование погребальных комплексов. В качестве примера можно привести следующие.

Ю. Н. Гаркуша, А. Е. Гришин и Ж. В. Марченко описали погребальные комплексы могильника Капонир, рассматривая особенности погребения, погребальных конструкций, погребального инвентаря (Garkusha, Grishin, Marchenko, 2013). Авторы фиксируют этнокультурные контакты населения Северного Приангарья и Байкальской Сибири, а также Восточной Сибири (на основе элементов шаманского костюма). Ученые П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка, О. Е. Пошехонова, используя археолого-антропологический подход, исследовали археологические находки могильника Проспихинская Шивера IV (Senotrusova, Mandryka, Poshechonova, 2014). Зафиксирована специфика погребального обряда, сделана попытка реконструкции обрядовых элементов народов, ранее населяющих территорию Северного Приангарья. Анализу погребальных комплексов посвящена работа С. П. Дударека и Д. Н. Лохова (Dudarek, Lokhov, 2014), где отдельным вопросом рассмотрена датировка погребений. Результаты исследования свидетельствуют также о сходстве археоло-

гических материалов Северного Приангарья и Прибайкалья.

**Искусствоведческий анализ
находок археологического комплекса
Проспихинская Шивера-IV
Богучанской экспедиции 2009 г.**

Летом 2009 г. в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС экспедицией Сибирского федерального университета под руководством П. В. Мандрыки проводились раскопки многослойного археологического комплекса Проспихинская Шивера-IV, находящегося на 15-метровой трассе правого берега Ангары, в 1,1–1,2 км выше устья реки Коды. Полученные материалы датируются от периода неолита до эпохи развитого средневековья.

Обнаруженный могильник относится к первому культурному слою. 12 объектов, открытые за полевой сезон, отражали так называемый обряд кремации «на стороне». Найдены маленькие погребальные ямы прямоугольной или округлой формы. В составе зафиксированного инвентаря преобладают бронзовые и железные изделия, встречаются предметы из рога и стекла.

Материалом для искусствоведческого анализа выбран наконечник ремня – один из десяти элементов (три обоймы, пять блях-накладок и пряжка) поясного набора, принадлежащего погребению № 10 описываемого археологического комплекса,

на всех изделиях которого отмечены следы воздействия огня (рис. 1, 2).

Исследуемый памятник датируется IV – 12–14 вв. – переходным моментом от раннего к классическому средневековью.

Ажурный наконечник ремня

Ширина ремня, исходя из размера обойм, составила 2,2–2,3 см., а толщина – не более 0,4 см. Изделие бронзовое, размер 7,5 x 2,2 x 0,3 см. Технология изготовления неизвестна. Данная накладка крепилась с помощью пяти загнутых навстречу друг другу шпеньков. Обратная сторона плоская.

Форма изделия вытянутая, его правый край по внешнему контуру напоминает заостренный лепесток, а левый представлен двумя полукругами, на внешней стороне которых имеется по одному каплевидному выступу. Верхний и нижний боковые края фигурные. Они имеют рифленый ободок, образованный перлами, с внутренней и внешней стороны.

В ходе рентгенофлуоресцентного анализа, проведенного в лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири Гуманитарного института СФУ в 2010 г. (Tishkin, 2010), выявлено, что поясной набор изготовлен представителями одной мастерской (схожесть технологии изготовления и материала). Вся совокупность отмеченных в ходе исследования характеристик свидетельствует о специальном заказе этого комплекта для мужчины-воина, который

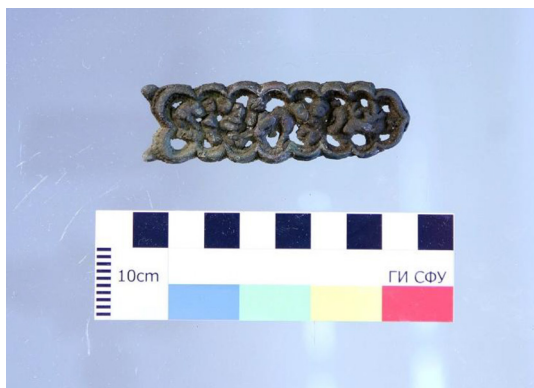

Рис. 1. Ажурный наконечник ремня
Fig. 1. Openwork belt tip

Рис. 2. Ажурный наконечник ремня (вид сзади)
Fig. 2. Openwork belt tip

занимал высокое социальное положение. Исходя из контекста зафиксированного могильника, это мог быть представитель так называемой двойной элиты (местной аристократии).

Подобную форму имеет наконечник ремня, являющийся элементом украшения конского снаряжения, из кургана № 5 комплекса Быково-IV (Шелаболихинский район Алтайского края), которое крепилось также с помощью двух шпеньков, расположенных сверху и внизу. Наконечник относят к Сросткинской культуре и датируют 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. (Gorbunova, 2009), что, возможно, говорит о культурных заимствованиях между территориями Северного Приангарья и Алтая.

В исследуемой нами находке преобладает ажурная орнаментация растительного и животного характера. Можно предположить, что в данном изделии существовала трехчастная композиция, разделенная растительными элементами.

Единственным четко просматриваемым элементом является фигура оленя в правой части наконечника – лежащее на согнутых ногах животное с опущенной головой. В расслабленной позе читаются спокойствие, гармония и уравновешенность.

Изображение оленя – распространенный мотив в скифо-сибирском искусстве звериного стиля. В скифской культуре основополагающим было тотемное значение оленя (Abaev, 1949), считавшегося образом верхнего мира. Вместе с тем существует иная интерпретация: рога оленей сопоставимы с деревьями, (помимо разветвленности и роста вверх они раз в год опадают, что отражает природный круговорот). Такой образ репрезентирует «мир живых, ныне существующий» (Raevskij, 2006). Однако исследуемой археологической находке свойствен ряд различных черт в иконографии образа – известным изображениям скифо-сибирского звериного стиля присуще декорирование в оформлении анатомических деталей животного.

Можно также предположить наличие других образов: в средней части композиции угадывается фигура животного с антропоморфным изображением на спине, оно представлено в профиль, головой вправо.

Подобные композиции «человек (всадник) на звере» встречаются в изобразительном искусстве народов Урала и Западной Сибири в раннем железном веке и средневековье (Arefev, Karacharov, 2003) (рис. 3).

Левую часть композиции составляют предположительно два антропоморфных

Рис. 3. Фигурки-подвески с композициями «всадник на звере», найденные в погребениях Сайгатинского I могильника (X–XII вв., Западная Сибирь)

Fig. 3. Pendant figurines with «horseman on a beast» compositions found in the burials of the Saigatinsky I burial ground (X–XII centuries, Western Siberia)

изображения и образ медведя, сидящие полукругом справа налево. Это может быть отсылка на ритуал медвежьего праздника (воплощение мифа об умирающем и воскресающем звере). В мифологии народов Сибири медведь понимался как сторож мира мертвых, иногда он участник творения мира (из-за версии, что когда-то был небожителем, но низвергнут с небес присматривать за людьми (Shmidt, 1989). Ритуал связан с вертикальной и горизонтальной моделью Вселенной, где медведь выступает связующим звеном, также выполняющим защитную функцию в промысловом деле (Raevskij, 2006).

Таким образом, композиция репрезентирует систему мироустройства, в которой фиксируется посредническая роль священных животных и культовых обрядов в формировании отношений между земным миром и миром Богов.

По анализу одного элемента, входящего в поясной набор, трудно реконструировать бытовые и обрядовые стороны культур рассматриваемого региона, поэтому необходимо обратиться к значениям обрядовых и бытовых функций всего поясного набора.

Учитывая специфику декоративно-прикладного искусства и уникальность самого произведения, можно говорить о том, что оно совмещает в себе утилитарное и сакральное значение.

Утилитарные функции: подпоясывание одежды, средство переноски мелких вещей (Rabinovich, 1986) – «нож и мешочек с трубкой и табаком, огниво с прибором, мешочек с чашкою» (Sychev, 1973).

Обрядовые функции связаны с завязыванием: «Издrevле веревка – ужище... узел, узы, на уза, узда... были видимым знаком фактического обладания» (Afanasjev, 1865). На этом сходстве пояса, завязывающегося вокруг талии, с веревкой – знаком собственности – строится вся система свадебных обрядов с участием пояса. Также отмечено значение «спасительного средства» при лечении болезней (Afanasjev, 1865). Охранительная функция заключена в способности защищать от проявлений нечистой силы (Maslova, 1984).

Кроме того, пояс свидетельствовал о присутствии силы: «счастье дающий пояс», обязательно снабженный оберегами-амулетами, ножами и всем, что необходимо (Mify, predanija, skazki hantov i mansi, 1990). У славянских народов считалось, что он увеличивает мужскую силу (Maslova, 1984).

Как и любой предмет гардероба, пояс служил знаком социального положения его владельца: «Эта вещь, неотделимая от живого человека, символизирующая его связь с миром людей, была знаком принадлежности к социуму» (Tradisionnoe mirovozzrenije turkov Yujnoj Sibiri, 1988). Юношу, прошедшего обряд инициации, опоясывали боевым поясом, на котором носили оружие, и это служило знаком воинской возмужалости (Lipetz, 1984).

С глубокой древности пояс обладал сложным комплексом значений, «... он отождествлялся с Кругом-Вселенной, выступал в роли оберега, обладал магической функцией» (Dobjanskij, 1990). С эпохи военной демократии пояс приобретает дополнительное значение – он становится своеобразным символом войны, и в военно-аристократической среде «... его значение соотносится с принадлежностью его владельца к определенному и достаточно высокому социальному слою общества» (Dobjanskij, 1990).

Таким образом, бытовая функция пояса заключалась в подпоясывании одежды, ношения мелких вещей, оружия, а обрядовая имела значения оберега или амулета, символа обладания, знака отличия в обществе, в роду и принадлежности воинскому сословию, знака наделения силой, ловкостью и другими чудесными качествами, способствующими удаче в военном и промысловом деле.

Заключение

Опираясь на сведения, полученные при рассмотрении археологической находки – наконечника ремня, изучение функционального наполнения поясных наборов, а также основываясь на данных рентгенофлюоресцентного анализа поясного набора, элементом которого является выбранный

для исследования артефакта, можно сделать следующий вывод.

Богатое декоративное оформление наконечника поясного набора и его символическое значение совпадают со значением всего поясного набора, который рассматривается как бытовая вещь, совмещающая в себе и утилитарные функции, и глубокое смысловое значение, отражающее мифологическую и ритуальную основу культуры. Можно предположить, что поясной набор, включающий ажурный наконечник, действительно принадлежал мужчине-охотнику, воину, имевшему высокое социальное положение, и отражал избранность носившего этот комплект человека.

Проявленные в изображении археологической находки знания о системе мироустройства, посреднической функции священных животных и культовых обрядах, несут в себе смысловую значимость ис-

следуемого артефакта. Наконечник ремня здесь можно рассматривать связующим звеном между миром Богов и миром человека. Тогда поясной набор, частью которого выступает исследуемая находка, будет читаться как узловой элемент, способствующий связи двух миров и несущий охранительную функцию представителей сакрального пространства его обладателю.

Для более полного представления о культурах Приангарья и аспектах их обрядовой и бытовой деятельности требуется провести ряд дополнительных исследований, в которых можно использовать результаты данной работы. При дальнейшем изучении предполагается преобразование данных и более точное восстановление культурной ситуации рассматриваемого региона, а также более полное воссоздание мифологического и культового содержания культуры.

Список литературы / References

- Abaev V.I. (1949) *Osetinskij jazyk i fol'klor* [Ossetian language and folklore]. Moscow. 608 p.
- Afanas'ev A.N. (1865) *Nauzy. Primer vlijanija jazyka na obrazovanie narodnyh verovanij* [Nauzy. An example of the influence of language on the formation of folk beliefs]. Moscow, p. 209.
- Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., et other (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12 (8), 1524–1551.
- Andreev V.M. (2013) Archaeological monument as an aesthetic object. In *Mir Nauki, kultura, obrazovanija*, 6 (43).
- Aref'ev V.A., Karacharov K. G. (2003) Vsadnik na medvede [The Bear Rider] In *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnih jepoh*. Ekaterinburg: Akva-Press, 31–34.
- Avdeeva Y.N., & Degtyarenko K. A. (2021) Vizualizacija obraza ketov kak sovremennaya kul'turnaya praktika [Visualization of the image of the Kets as a modern cultural practice]. In *Severnye arhivy i ekspedicii* [Northern archives and expeditions], 5(2), 16–31. DOI:10.31806/2542-1158-2021-5-2-16-31.
- Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Kolesnik, M.A., et al. (2020). Architectural Space in the Paintings by Vincent van Gogh. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13 (6), 838–859.
- Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Koptseva, N.P. (2020). Compensatory role of symbolic mediators in constructing ethnocultural identity. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 13(5), 702–715.
- Barkova L.L. (1990) Obraz olenja v iskusstve drevnego Altaja (po materialam Bol'shih Altajskih kurganov) [The image of a deer in the art of ancient Altai (based on the materials of the Great Altai Mounds)]. In *ASGJe*, 30, 55–66.
- Bojarskij P. V. (1990) *Vvedenie v pamjatnikovedenie* [Introduction to Monument studies]. Moscow.
- Chekha A.N. (2019). Kamennaya industriya sloya 2 stoyanki Ust'e Reki Kutarei (Severnoe Priangar'e) [Stone industry of layer 2 of the site Mouth of the Kutarei River (Northern Priangarye)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History. Philology], 18 (3), 62–73.

Djachkov A. N. (1990) Monumenty v sisteme predmetnogo mira kul'tury [Monuments in the system of the objective world of culture]. In *Monumenty i sovremennost': Monumenty v kontekste istoriko-kul'turnoj sredy*. Moscow. Pp. 41–52.

Dobzhanskij, V.N. (1990). *Nabornye pojasa kochevnikov Azii [Typesetting belts of Asian nomads]*. Novosibirsk: NGU, 164.

Dudareka S.P., Lokhova D.N. (2014). Pogrebal'nye komplekxy bronzovogo veka Severnogo Priangar'ya. Voprosy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti [Burial complexes of the Bronze Age in the Northern Angara region. Questions of chronology and cultural affiliation]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya» [Bulletin of the Irkutsk State University. Series «Geoarcheology. Ethnology. Anthropology»]*. Vol. 7, 54–80.

Formozov, A.A. (1980) *Pamyatniki pervobytnogo iskusstva na territorii SSSR [Monuments of primitive art on the territory of the USSR]*. Moscow, 136.

Garkusha, Yu. N., Grishin, A. E., Marchenko, Zh. V. (2013). Srednevekovye pogrebal'nye komplekxy mogil'nika Kaponir (Severnoe Priangar'e) [Medieval burial complexes of the Kaponir burial ground (Northern Priangarye)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History. Philology]*, 12 (5), 221–232.

Gorbunova T. G., Tishkin A. A., Gorbunova T. G., Havarin S. V. (2009) Srednevekovye ukrasheniya konskogo snarjzheniya na Altae: morfologicheskij analiz, tehnologii izgotovleniya, sostav splavov: monografija [Medieval decorations of horse equipment in Altai: morphological analysis, manufacturing technologies, composition of alloys: monograph]. Barnaul: Azbuka, 144.

Kamenskij, S. YU. (2008) Arheologicheskie pamyatniki kak ob'ekty kul'turnogo naslediya (aksiologicheskij aspekt) [Archaeological sites as objects of cultural heritage (axiological aspect)] // *Izvestiya Ural'skogogosudarstvennogo universiteta. № 55. Ser. 2*, 16–25.

Kir'janov I.J. (1979) Sistematizacija, principy otbora i vyjavleniya pamjatnikov trudovoj slavy russkogo naroda [Russian people's monuments of labor glory, systematization, principles of selection and identification of monuments of labor glory of the Russian people]. In *Monumenty trudovoj slavy russkogo naroda*, 5–7.

Kistova, A.V. (2020). Sinteticheskaya model' kul'tury i kul'turnye praktiki [Synthetic model of culture and cultural practices], In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2 (6), 111–121.

Kistova, A.V., Pimenova, N.N., Reznikova, K.V., et other (2019). Religion of dolgans, nganasans, nenets and enets. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 12(5), 791–811.

Kistova, A., Pimenova, N., Reznikova, K., et other (2016). Place management: Decoding the visual image of a Siberian city. In *Journal of Applied Economic Sciences*, 11(6), 1143–1155.

Kogai S. A., Berdnikov I.M. (2013). Neoliticheskie materialy mestonakhozhdeniya Derevnja Martynova (Severnoe Priangar'e) [Neolithic materials from the Martynova village (North Angara region)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology]*, (2), 124–136.

Kolesnik, M.A., Libakova, N.M., Sertakova, E.A. (2018). Enets language in the studies of domestic and foreign scientists, In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11(4), 546–560.

Koptseva, N., Reznikova, K.V., Razumovskaya, V.A. (2018). The construction of cultural and religious identities in the temple architecture. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11 (7), 1021–1082.

Kostrykina, N.V. (2021). Tvorchestvo krasnoyarskogo dokumentalista I. Zajcevoj kak fenomen regional'noj i nacional'noj kul'tury [Creativity of the Krasnoyarsk documentary filmmaker I. Zaitseva as a phenomenon of regional and national culture], In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5(2), 103–112. DOI:10.31806/2542–1158–2021–5–2–103–112.

Kulemzin A.M. (2001) *Ohrana pamjatnikov RF kak istoriko-kul'turnoe javlenie [Protection of monuments of the Russian Federation as a historical and cultural phenomenon]*. Tomsk.

Leshchinskaya, N.M. (2021). Kul'turologicheskie podhody k analizu proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva [Cultural approaches to the analysis of works of arts and crafts arts]. In *Severnye arhivy i ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 5 (2), 9–15. DOI:10.31806/2542–1158–2021–5–2–9–15.

Lipec R. S. (1984) Obrazy batyra i ego konja v tjurko-mongol'skom jepose [Images of a batyr and his horse in the Turkic-Mongolian epic]. Moscow, 67.

Lokhov D.N., Dudarek S.P. (2017). Istoriya izucheniya neolita i bronzovogo veka Severnogo Priangar'ya: chast' 1 (XVIII v.– 20–30-e gg. Xx v.) [The history of the study of the Neolithic and Bronze Age of the Northern Angara region: part 1 (XVIII century – 20–30s. XX century)]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarcheology. Ethnology. Anthropology]*, 22, 102–123.

Maslov S.E. (1952) *Enisejskaja pis'mennost' tjurkov [Enisei writing of the Turks]*. Moscow, Leningrad, 95.

Maslova G.S. (1984) *Narodnaja odezhda v vostochnoslavjanskih tradicionnyh obyčajah i obrjadah XIX – nachala XX vv. [Folk clothing in East Slavic traditional customs and rituals of the XIX – early XX centuries]*. Moscow, 46.

Mify, predanija, skazki hantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Khants and Mansi]. (1990). Moscow, 301–302.

Mihajlovskij E.V. (1981) Restavracija pamjatnikov arhitektury [Restoration of architectural monuments]. In *Mihajlovskij Vosstanovlenie pamjatnikov kul'tury*. Moscow.

Molodkina A.V. (2007) K voprosu o fenomenologii pamjati (na primere arhitekturno-prirodnogo monumenta) [On the question of the phenomenology of memory (on the example of an architectural monument)]. In *Vestnik Stolichnogo un-ta. Filosofija*, 6.

Murasheva V.V. (2000) *Drevnerusskie remennye nabornye ukrashenija (H–XIII vv.) [Ancient Russian belt-mounted ornaments (X–XIII centuries)]*, 136.

Okladnikov A.P. (1974) *Neoliticheskie pamyatniki Angary (ot Shchukino do Bureti) [Neolithic monuments of Angara (from Shchukino to Buret)]*. Novosibirsk, 318 p.

Rabinovich M.G. (1986) *Drevnerusskaja odezhda IX–XIII vv. [Ancient Russian clothing of the IX–XIII centuries.]* In *Drevnjaja odezhda narodov Vostochnoj Evropy*. Moscow, 85.

Raevskij D.S. (2006) *Mir skifskoj kul'tury [The world of Scythian culture]*. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur. P. 600.

Raevskij D.S. (2006) *Mir skifskoj kul'tury [The world of Scythian culture]*. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur, 600.

Savvaitov P.I. (1896) *Opisanie starinnyh russkih utvarej, odezhd, oruzhija, ratnyh dospehov i kon'skogo pribora, v azbuchnom porjadke raspolozhennoe [Description of ancient Russian antiques, clothes, weapons, military armor and horse equipment, arranged in alphabetical order]*. 355.

Selezneva E.N. (1990) Istoriko-kul'turnaja sreda kak sreda pamjati [Historical and cultural environment as a medium of memory]. In *Monumenty i sovremennost': Monumenty v kontekste istoriko-kul'turnoj sredy*. Moscow.

Senotrusova, P. O., Mandryka, P. V., Poshekhonova, O. E. (2014). Osobennosti pogrebal'noi obryadnosti srednevekovogo naseleniya Severnogo Priangar'ya (po materialam mogil'nika Prospikhinskaya Shivera IV) [Features of the funeral rituals of the medieval population of the Northern Angara region (based on materials from the Prospikhinskaya Shivera IV burial ground)]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]*, (1 (24), 103–114.

Shimanskaya, K.I. (2020). Art-mediator kak uchastnik hudozhestvennoj kommunikacii [Art mediator as a participant in artistic communication]. In *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern archives and expeditions]*, 4(4), 109–115. DOI:10.31806/2542–1158–2020–4–4–109–115.

Shmidt E. (1989) *Tradicionnoe mirovozzrenie severnyh obskih ugrov po materialam kul'ta medvedja [The traditional worldview of the northern Ob Ugrians based on the materials of the bear cult]*. Leningrad, 18.

Sitnikova, A. A., & Li, S. (2020), Tri kartiny kitajskih sovremennyh hudoznikov gorodskogo okruga Hulunbuir (avtonomnyj rajon Vnutrennyaya Mongoliya) [Three paintings by contemporary Chinese art-

ists from Hulunbuir Urban District (Inner Mongolia Autonomous Region)]. In *Sibirskij antropologicheskij zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 4(3), 118–129. DOI: 10.31804/2542–1816–2020–4–3–118–129.

Slavinskii, V. S., Anoikin, A. A., Rybalko, A. G., Kazakova, E. A., & Milyutin, K. I. (2012). Arkheologicheskie komplekсы stoyanki Koda-3 (Severnoe Priangar'e) [Archaeological complexes of the Koda-3 site (Northern Priangarye)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History. Philology]*, 11 (7), 194–205.

Sychev D. V. (1973) *Iz istorii kalmyckogo kostjuma [From the history of the Kalmyk costume]*. Jelista, 70.

Tishkin A. A. (2010) *Torevtika v drevnih i srednevekovyh kul'turah Evrazii: sbornik trudov [Torevtics in ancient and medieval cultures of Eurasia: a collection of works]*. Barnaul: Azbuka, 188.

Tradicionnoe mirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiri [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia]. (1988). 183.

Tulchinskij G. L. (2018) K probleme smysla v social'noj semiotike: glubokaja semiotika kak konceptual'noe rasshirenie social'noj semiotiki [On the problem of meaning in social semiotics: Deep Semiotics as a conceptual extension of social semiotics]. In *Slovo.ru: Baltijskij accent*, 4, 15–26.

Vasil'evskii R. S. (1978) Arkheologicheskie issledovaniya na Srednei Angare (nekotorye predvaritel'nye rezul'taty rabot Angaro-Ilimskoi ekspeditsii 1967–1974 gg.) [Archaeological research in the Middle Angara (some preliminary results of the work of the Angara-Ilim expedition 1967–1974)]. In *Drevnie kul'tury Priangar'ya*. Novosibirsk, 131–150.

Vasil'evskii R. S. (1988) *Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangar'ya [Archaeological sites of the Northern Angara region]*. Novosibirsk: Nauka, 225 p.

Vygotskij L. S. (2017) *Psihologija iskusstva [Psychology of art]*. St. Petersburg, 320.